

О времени и о себе

Александр Рыжков

к. х. н., с. н. с., полковник Пограничной службы Федеральной службы безопасности, Москва

Сорок пять лет назад мы, в большинстве своем, думали, что всю жизнь будем заниматься большой и чистой НАУКОЙ. А жизнь переделала все по-своему. Многим из нас не пришлось после университета или аспирантуры работать в той отрасли химии, которую мы считали своей. Не зря же среди нас есть собственный доктор юридических наук! Но я думаю, и надеюсь, что многие со мной согласятся, что, куда бы не бросала нас судьба, та подготовка, которую мы получили на химфаке, те освоенные нами базовые знания, принципы и методы работы позволяли достаточно быстро достичь серьезного уровня в той деятельности, где приходилось работать.

Мне, например, довелось заниматься и «чистой» наукой, и прикладной, и ведомственной, и даже организацией научной деятельности в очень далекой от химии и физики высокомолекулярных соединений области, при этом удалось вырастить шесть кандидатов наук, из которых трое впоследствии стали докторами. Но хотелось написать не об этом. Как химику, мне довелось почти два года заниматься вопросами, связанными с катастрофой на Чернобыльской АЭС, а в 1987 году пришлось самому на три с половиной месяца стать «ликвидатором» - непосредственно участвовать в работах, проводимых на ЧАЭС. О содержании работы говорить нечего – работа она и есть работа, где бы ее не делать, а вот впечатления от жизни ликвидаторов и от самой «зоны отчуждения» остались в моей памяти навсегда. И о некоторых из них я и хочу рассказать.

1. «Поспешай медленно!».

Срок командировки в «ликвидаторы» составлял 1 – 3 месяца, люди менялись постоянно: одни приезжали, другие уезжали, так что штаб наш располагался в одном из пригородов Киева. Я только-только приехал и не успел еще «пообщаться» с начальством и получить конкретное назначение. И вот часов в восемь вечера меня вызывают к начальнику. Я, по московской привычке, выхожу из общежития и очень быстрым шагом направляюсь в домик руководства. Следом за мной выскакивает дежурный и кричит: «Стой!». Я, конечно, останавливаюсь, оборачиваюсь и спрашиваю: «Что случилось?». Получаю такой ответ: «Ты что делаешь, люди знают, что здесь ликвидаторы обитают, полчаса назад машина из «зоны» приехала, а ты летишь, как угорелый! Люди могут подумать, что выброс был, и весь Киев перепугаешь!».

Так что с тех пор я перестал носиться по улицам. Поспешаю медленно.

2 «Животный мир зоны».

Первое впечатление. Стоим мы, человек 6, около входа в наше общежитие в Чернобыле, курим. И метрах в 3-х от нас через асфальтовую дорогу неторопливо, с важностью идет крыса. Да, скорее, КРЫСА! Размером со здорового кота. Смотрит на нас как бы говоря: «Ну и как вам тут? А мне хорошо!».

Второе впечатление. Любой парк в начале зимы представляет собой печальное зрелище – листьев нет, ветки голые качаются от ветерка. И только гуляющие люди в разноцветной одежде как-то оживляют пейзаж. Во всем городе Чернобыле никого нет, кроме изредка попадающихся навстречу (да и то вблизи переговорного пункта или столовой в районе обеда) ликвидаторов в форменных куртках черного или защитного цвета. А в парке на качающихся ветках сидят вороны и по-очереди громко каркают, нагоняя на слушателей тоску.

3. «Сосна, что стала обелиском».

Между ЧАЭС и городом Припять рос старый красивый лес. И после аварии облако радиоактивных частиц прошло через него. И он стал «рыжим» - такой цвет приняли все деревья и кустарники. Соответственно этому стал он называться «Рыжий лес», а уровень радиации в нем был значительным. Поэтому ликвидация «Рыжего леса» была одной из приоритетных задач дезактивации местности, тем более что работы по строительству объекта «Укрытие» (в просторечии – «Саркофага») велись совсем рядом. К тому моменту, когда я попал в Чернобыль, от всего леса осталось стоять только одно дерево - большая старая сосна (ее фотографию я потом видел году в 1989 в газете «Правда»). На нее ни у кого рука не поднялась - во время Великой Отечественной войны у этой сосны оккупанты казнили попавших в плен партизан. На прикрепленной к дереву мемориальной доске было написано (боюсь, что совершенно точно не процитирую – 30 лет прошло): «Прохожий, здесь остановись, и поклонись ей низко. Кому – а этой вот сосне, сосне, что стала обелиском». А общее впечатление от этой командировки – низкий поклон тем, кто чистил крышу 3-го блока от кусков топливных элементов, кто строил «Саркофаг» и всем, кто работал в зоне. И не дай бог такому повториться!